

Социализм и коммунизм в России: история и перспективы

С.Г. Кара-Мурза, доктор химических наук

Наша тема — *социализм и коммунизм* как два больших проекта жизнеустройства и два окормляющих эти проекты социально-философских учения — социал-демократия и коммунизм.

Оба они сыграли, играют и будут играть важную роль в судьбе России. С этой точки зрения и будем их рассматривать. Оба эти проекта и учения тесно связаны с трудом Маркса, только коммунизм уходит корнями в раннее христианство, а социализм — продукт современности (модерна). В реальной практике XX в. социал-демократия получила распространение на Западе и тесно связана с гражданским обществом, а коммунизм укоренился в традиционных обществах России и Азии.

Понятия, которыми обозначаются оба явления, расплывчаты и плохо определены, нередко перекрывают или заменяют друг друга. Часто за основание для разделения берут самоназвание или судят по простым, «внешним» признакам. Признаешь революцию — ты коммунист, не признаешь — социал-демократ. Следовать таким признакам — значит скопывать и мышление, и практику. Даже и в словах мы часто путаемся. Социальный — значит *общественный* (от слова «социум» — общество). А коммунистический — значит *общинный* (от слова «коммуна» — община). Это — огромная разница.

Конечно, над главными, исходными философскими основаниями любого большого движения наслаивается множество последующих понятий и доктрин. Но для проникновения в суть полезно раскопать изначальные смыслы. Маркс, указав Европе на *призрак коммунизма*, видел его не просто принципиальное, но трансцендентное, «потустороннее» отличие от социализма.

Вступление в коммунизм для Маркса — завершение огромного цикла цивилизации, в известном смысле конец «этого» света, «возврат» человечества к коммуне. То есть, к жизни в общине, в семье людей, где преодолено отчуждение, порожденное первородным грехом частной собственности¹.

Социализм же — всего лишь экономическая формация, где разумно, с большой долей рациональной солидарности устроена совместная жизнь людей. Но не как в общине («семье»)! *«Каждому по труду»* — принцип не семьи, а весьма справедливого общества, в том числе и буржуазного. Кстати, главная справедливость социализма заключена в первой части формулы, которая обычно замалчивается — в том, что *«от каждого по способности»*².

Оставим пока в стороне проблему: допустимо ли спускать «призрак коммунизма» на землю — или он и должен быть именно *призраком*, к которому мы обращаем гамлетовские

¹ Представление Маркса о зарождении частной собственности носит квазирелигиозный характер и корнями уходит в ветхозаветный миф о грехе: «Развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте... Вместе с разделением труда, ... следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети — рабы мужчины. Рабство в семье ... есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов... Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения» [7].

² Для капитализма, не ограниченного государством, формула была бы такой: «От каждого — его востребованный рынком товар, каждому — стоимость его товара».

вопросы. Зафиксируем, что рациональный Запад за призраком не погнался, а ограничил себя *социал-демократией*. Ее лозунг: «Движение — все, цель — ничто!». Уже здесь — духовное отличие от коммунизма. А подспудно — отличие почти религиозное, из которого вытекает разное понимание времени.

Время коммунистов — цикличное, мессианское, *эсхатологическое*. Оно устремлено к некоему идеалу (светлому будущему, Царству свободы — названия могут быть разными, но главное, что есть ожидание идеала как избавления, как возвращения, подобно второму пришествию у христиан). Это — *Преображение мира*, в этой идее — эсхатология коммунизма. Корнями уходит в хилиазм ранних христиан. По словам С. Булгакова, хилиазм «есть живой нерв истории, — историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном» [9]³.

Время социал-демократов линейное, рациональное («цель — ничто»). Здесь — мир Ньютона, бесконечный и холодный. Можно сказать, что социал-демократов толкает в спину *прошлое*, а коммунистов притягивает *будущее*.

Менее очевидны различия в представлении о пространстве, но они тоже есть. Коммунизм латентно присутствует во всех культурах, сохранивших космическое чувство. Большевизм сформировался под заметным влиянием *русского космизма*, уходящего корнями в крестьянское холистическое мироощущение (характерно отношение большевиков к Циолковскому). Социал-демократия в своем мировоззрении тяготеет к механицизму, к ньютоновской картине мира.

³ Во время перестройки ее идеологи не без оснований уподобляли весь советский проект *хилиазму*.

Социал-демократия выросла там, где человек прошел через горнило Реформации. Она очистила мир от святости, от «призраков» и надежды на спасение души через братство людей. Человек стал одиноким индивидом. Постепенно он дорос до рационального построения более справедливого общества — добился *социальных* прав. А *личные* права и свободы рождались вместе с ним, как «естественные».

Вспомним, откуда взялся сам термин «социал-демократия». *Демократия* на Западе означала превращение общинных людей в индивидов, каждый из которых имел равное право голоса («один человек — один голос»). Власть устанавливалась снизу — этими голосами. Но индивид не имел никаких социальных прав. Он имел право опустить в урну свой бюллетень, лечь и умереть с голоду. *Социал-демократия* — движение к обществу, в котором индивид наделяется и *социальными* правами.

История для социал-демократии — не движение к идеалу, а уход от дикости, от жестокости родовых травм цивилизации капитализма — без отрицания самой этой цивилизации. Это — постепенная гуманизация, окультуривание капитализма без его отказа от самого себя. А в чем же его суть? В том, что человек — товар на рынке и имеет *цену*, в зависимости от спроса и предложения. А значит, не имеет *ценности* (святости), не есть носитель искры Божьей. Если это перевести в плоскость социальную, то человек сам по себе не имеет права на жизнь, это право ему дает или не дает рынок. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Становление рыночной экономики происходило параллельно с колонизацией «диких» народов. Необходимым

культурным условием для нее был расизм. Отцы политэкономии Смит и Рикардо говорили именно о «расе рабочих», а первая функция рынка — через зарплату регулировать численность этой расы. Все формулировки теории рынка были предельно жестокими: рынок должен был убивать лишних, как бездушный механизм. Это могла принять лишь культура с подспудной верой в то, что «раса рабочих» — отверженные. Классовый конфликт изначально возник как расовый.

Историки указывают на важный факт: в первой трети XIX в. характер деградации английских трудящихся, особенно в малых городах, был совершенно аналогичен тому, что претерпели африканские племена, — пьянство и проституция, расточительство, потеря самоуважения и способности к предвидению (даже в покупках), апатия.

Огрубляя, обозначим, что коммунизм вытекает из идеи *общины*, а социал-демократия — из идеи *общества*. Разное у них равенство. В общине люди равны как члены братства, что не означает одинаковости. В обществе, напротив, люди равны как атомы, как индивиды с одинаковыми правами перед законом. Но вне этих прав, в отношении к Богу они не равны и братства не составляют. Чтобы возникло общество, надо было уничтожить, растереть в прах общину с ее чувством братства и дружбы.

Вот слова лидера II Интернационала, идеолога социал-демократов Бернштейна: «Народы, враждебные цивилизации и неспособные подняться на высшие уровни культуры, не имеют никакого права рассчитывать на наши симпатии, когда они восстают против цивилизации. Мы не перестанем критиковать некоторые методы, посредством которых закабаляют дикарей, но не ставим под сомнение и не возражаем против их подчинения и против господства над ними прав цивилизации... Свобода какой либо незначительной нации вне Европы или в центральной Европе не может быть поставлена на одну доску с развитием больших и цивилизованных народов Европы».

Русский коммунизм исходит из совершенно другого представления о человеке, поэтому между ним и социал-демократией — не мост, а духовная пропасть. Она в философии бытия, хотя в политике можно и надо быть союзниками и друзьями. Коммунисты могут вести дела «как социал-демократы» — приходится приспосабливаться. Но думать как они, коммунисты не могут. Из этого вовсе не следует, что коммунисты лучше социал-демократов. Например, абсурдно желать, чтобы западные социал-демократы превратились в большевиков — это было бы катастрофой⁴.

Что же касается западных коммунистов, то это (если не считать выходцев из анклавов традиционного общества, примером которых можно считать Долорес Ибаррури) — левое крыло социал-демократов, в котором сохранилась верность «призраку коммунизма» как мечте. Кризис коммунистов на Западе во многом порожден их наивной верой в возможность повторения пути советской России — при несоответствии большевизма западному представлению о человеке⁵.

Как же социал-демократы «окультурили» этот расово-классовый конфликт? Они объяснили, что выгоднее не оскорблять рабочих, а обращаться с ними вежливо, как с равными. Так же теперь обращаются с неграми. Но социал-демократы были частью этого процесса: отказавшись от «призрака коммунизма» они приняли расизм. В этом смысле социал-демократия уходит корнями в протестантизм, а ком-

⁴ Катастрофа и произошла — в форме фашизма. Тогда в ходе острого кризиса фашисты попытались сплотить индивидов через искусственно возрожденный общинный дух — через солидарность «братьев по крови» против чужих рас. Возник тоталитаризм, в чем-то внешне схожий с большевизмом, но абсолютно враждебный ему по всем фундаментальным направлениям.

⁵ Сдвиг западных компартий к еврокоммунизму, а затем антисоветизму, привел к фактической ликвидации коммунистического движения в Западной Европе. В 1980-е гг. на позиции еврокоммунизма перешло и руководство КПСС.

мунизм — в раннее христианство (к которому ближе всего Православие).

Чтобы понять социал-демократию, надо понять, что она преодолевает, не отвергая. Рабочее движение завоевало многие социальные блага, которые вначале отрицались буржуазным обществом, ибо мешали Природе вершить свой суд над «слабыми».

Хлебнув дикого капитализма, рабочие стали разумно объединяться и выгрызать у капитала социальные права и гарантии. Шведская модель выросла из голода и одиночества начала века. Полезно прочесть роман Кнута Гамсуна «Голод». В зажиточном Осло молодой писатель был одной ногой в могиле от голода — уже и волосы выпали. Ему не только никто не подумал помочь — он сам не мог заставить себя украсть булку или пирожок, хотя это было не трудно. Святость частной собственности и отсутствие права на жизнь были вбиты ему в подсознание так же, как святость его личных прав гражданина.

На какой же духовной матрице вырастала «социальная защита»? На благотворительности, из которой принципиально была вычищена человечность (М. Вебер). Социал-демократия произвела огромную работу, изживая раскол между обществом и «расой отверженных», превращая подачки в социальные права. Только поняв, от чего она шла, можно в полной мере оценить гуманистический подвиг социал-демократов. Но в России современный коммунизм начинался совершенно с иной базы — с человека, который был проникнут солидарным чувством. Это — иная траектория. Не может уже Россия пройти путь Запада. Не было у нас рабства, да и феодализм захватил небольшую часть России и на очень недолгое время.

Общинное сознание не перенесло капитализма, и после Февраля 1917 г. и Гражданской войны рвануло назад (или слишком вперед) — к коммунизму. Здесь ребенок родился с коллективными правами как член общины, а вот личные права и свободы надо было требовать и завоевывать.

Именно глубинные представления о человеке, а не социальная теория, породили русскую революцию и предопределили ее характер. Ленин, когда решил сменить название партии с РСДРП на РКП (б), понял, что революция занесла не туда, куда предполагали социал-демократы — она не то чтобы «проскочила» социал-демократию, она пошла по своему, иному пути.

В этом и есть суть развода коммунистов с социал-демократами в России: массы сочли, что могут не проходить через страдания капитализма, а проскочить сразу в рыночную жизнь. Идея народников (пусть обновленная) победила в большевизме, как ни старался Ленин следовать за Марксом. Оказалось, что это было возможно, но сейчас нас пытаются «вернуть» на место.

Мы не понимали фундаментальных оснований советского строя («не знали общества, в котором живем»). Внешне блага социал-демократии — например, в Швеции — кажутся просто улучшенными советскими благами. А ведь суть их совершенно разная. Так, одним из социальных прав в СССР, как и в некоторых странах при социал-демократических правительствах, было право на бесплатное медицинское обслуживание. При внешней схожести этого конкретного права, его основания в СССР и в Швеции были различны. Согласно концепции индивида (в Швеции), человек рождается вместе со своими неотчуждаемыми *личными* правами. В совокупности они входят в его естественное право. Но бесплатное медицинское обслуживание не входит в естественное право человека. Он это право должен завоевать как *социальное* право — и закрепить в какой-то форме общественного договора.

В советском обществе человек являлся не индивидом, а членом общины. Он рождался не только с некоторыми личными, но и с неотчуждаемыми *общественными*, социальными правами. Поскольку человек — не индивид (он «делим»), его здоровье в большой мере было национальным достоянием. Поэтому бесплатное здравоохранение рассматривалось

(даже бессознательно) как естественное право. Оберегать здоровье человека было *обязанностью* и государства, как распорядителя национальным достоянием, и самого человека.

Вспомните, как трудно было нас загнать на диспансеризацию. На Западе это никому объяснить невозможно: бесплатное обслуживание врачей, рентген — а не шли. Причина в том, что индивид (т. е. «неделимый») обладает своим телом как частной собственностью. Наш человек собственником не был, его тело во многом было «общенародным достоянием», и государство обязывало его хранить и предоставляло для этого средства. В 1990-е гг. врачебное обслуживание было еще бесплатным, люди много болели, а к врачам... не обращались. Почему? Да потому, что они уже освободились от обязанности перед государством — быть здоровым, но еще не осознали себя собственниками своего тела.

Что же позволило социал-демократам «очеловечить» капитализм, не порывая с ним? Есть ли это условие в России сегодня? — Ведь от этого зависит шанс нашей социал-демократии на успех. Пока что попытки были неудачными — и у Горбачева с Яковлевым, и Роя Медведева с Рыбкиным, и Селезнева, а теперь и С. Миронова с Бабаковым. Фундаментальны ли причины этих неудач? Чтобы разобраться, надо вспомнить историю социал-демократии и коммунизма в России.

XX век — это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение веков. В разных формах эти силы будут определять и нашу судьбу в XXI веке. Но весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, называемой *русский коммунизм*.

Русский коммунизм — сплетение очень разных течений, необходимых, но в какие-то моменты враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегченную модель

этого явления — почти пустышку. Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы СССР — глядя на те точки, по которым бьют в последние 25 лет.

В самой грубой форме русский коммунизм можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905–1907 гг. и стали единым целым перед войной (а если заострять, то после 1938 г.). Первый блок — то, что Макс Вебер назвал *крестьянский общинный коммунизм*. Второй — русская *социалистическая* мысль, которая к началу XX в. приняла как свою идеологию марксизма, но им было прикрито наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока являлись частями русской культуры, оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью, со многими ересями. Он имел идеалом *град Китеж* (хилиастическую ересь «Царство Божье на земле»). Социалисты исповедовали идеал прогресса и гуманизм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 г. — дело общинного коммунизма, почти без влияния блока социалистов. Зеркало ее — Лев Толстой. После нее произошел раскол у марксистов (социал-демократов), и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда «союз рабочего класса и крестьянства», ересь марксизма. Возник большевизм, первый эшелон русского коммунизма.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц в российском обществе было уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел — ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно)⁶. В то

⁶ Мы здесь не рассматриваем важное достижение русского коммунизма, которое осталось в форме неявного знания — сложное соединение

же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданской войны видные кадры из всех них включились в советское строительство.

В русской революции 1917 г. с первых ее дней стали формироваться два типа государственности — буржуазно-демократическая республика и Советская власть. Это были две ветви (а не два этапа) революции, которые находились на двух разных и *расходящихся* цивилизационных траекториях. Их «конвергенция» была невозможна, хотя поначалу особых идеологических различий между ними не было видно. Временное правительство не скупилось на «социалистическую» риторику.

Таким образом, под знаменем марксизма в России возникло два разных (и даже враждебных) социалистических движения, которые в Гражданской войне оказались, в общем,

марксистского интернационализма с «державным национализмом». Именно специфическое представление о нации позволило преодолеть рамки Просвещения и собрать разваленную Февралем Империю. На это обратил внимание Сунь Ятсен в «Трех народных принципах» (1924) — программном документе китайской революции. Он считал национализм сложным явлением — из тех, что «легче сделать, чем осознать» (в противовес категории явлений «легче осознать, чем сделать»). Для Сунь Ятсена национализм есть «принцип единой государственной семьи (нации)». Это — совсем не то, что национализм гражданского общества и государства-нации. Здесь — идея *семьи*, «сыновней почтительности», и нация образуется, когда общество развивается «по пути справедливости (светлым путем)». Причиной плачевного положения Китая в начале XX в. Сунь Ятсен назвал именно утрату китайским народом национализма за несколько веков до этого.

Проводя сравнение с Советской Россией, он видел залог ее спасения и развития как раз в том, что несмотря на свою «вселенность» русские сохранили национализм. У Сунь Ятсена национализм не только не противоречит интернационализму, но и служит ему необходимым условием: «национализм — это то сокровище, которое предопределяет существование человечества». Сунь Ятсен предупреждал, что если Китай преодолеет космополитизм и вновь обретет сокровище национализма, он «станет фундаментом интернационализма в Азии» — так же, как русские стали им в Европе.

по разные стороны линии фронта. Из марксизма они взяли разные смыслы.

Маркс предсказывал приход коммунизма как *пророк*. Революция — конец старого мира, мессия — пролетариат. Но апокалиптика Маркса — т. е. описание пути к *преображению* (пролетарской революции) — исходила из идеи распространения капитализма во всемирном масштабе с полным исчерпанием его потенциала развития производительных сил, вслед за которым произойдет всемирная революция под руководством пролетариата Запада. В России крестьянский коммунизм легко принял пророчество Маркса, но отвел рассуждения о благодати капитализма. Большевики, освоив опыт 1905 г. и реальное состояние мировой системы капитализма (империализма), примкнули к коммунизму. Меньшевики остались верны ортодоксии.

А. Грамши опубликовал 5 января 1918 г. статью об Октябрьской революции под названием «Революция против “Капитала”». Он писал: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [1].

Маркс прозорливо предвидел такую возможность и заранее предупредил, что считает «преждевременную» антикапиталистическую революцию *реакционной*. В «Манифесте коммунистической партии» специально говорится, что условия, которые «борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, ... реакционны: они стре-

мятся повернуть назад колесо истории». Таким сословием было в России крестьянство, составлявшее 85% населения.

Положение о том, что сопротивление капитализму, пока он не исчерпал своей потенции в развитии производительных сил, является реакционным, было заложено в марксизм как непререкаемый постулат. Красноречиво высказывание Энгельса (1890): «В настоящее время капитал и наемный труд неразрывно связаны друг с другом. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов. Нашим немцам ... я желаю поэтому поистине бурного развития капиталистического хозяйства и вовсе не желаю, чтобы оно коснело в состоянии застоя» [2]. Вот вам и диалектика: нужно всемерно укреплять капитализм, потому что это приближает «конец господства капиталистов».

В отличие от марксистской теории классовой революции в России создавалась теория революции, *предотвращающей* разделение на классы (Бакунин, Ткачев и народники, позже — Ленин). Для крестьянских стран это была революция *цивилизационная* — она стала средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Это — принципиально иная теория, можно даже сказать, что она является частью другой *парадигмы*, другого представления о мироустройстве, нежели у Маркса. Между этими теориями не могло не возникнуть глубокого *когнитивного* конфликта. А такие конфликты всегда вызывают размежевание и даже острый конфликт сообществ, придерживающихся разных парадигм. Тот факт, что в России большевикам, следующим ленинской теории революции, приходилось маскироваться под марксистов, привел к тяжелым деформациям и в ходе революционного процесса, и в ходе социалистического строительства.

Однако совмещение крестьянского коммунизма с марксизмом было проведено виртуозно. Так произошло, например, с понятием «диктатура пролетариата». Она восприни-

малась русскими людьми как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей, — тех, кому не страшно постоять за правду. Н.А. Бердяев писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным, реакционным классом» [3, С. 88].

Суть Октября как *цивилизационного* выбора сразу отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И. Либер (Гольдман) видел его корни в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «*азиатизацию* Европы». Настойчиво повторялась идея, что советский проект и большевики — сила *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*. Н.А. Бердяев неоднократно высказывал такую мысль: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма» [3, С. 89].

В условиях революции когнитивный конфликт перерос в политический. Марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП, в Грузии убедил меньшевиков не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, поддерживающие большевиков. В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе.

При этом внутреннюю политику правительства Жордании можно охарактеризовать как *социалистическую*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа — землю помещиков конфисковали без выкупа и продали в кредит крестьянам⁷. Затем произошла национализация рудников и почти всей промышленности, была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое выступало как *непримиримый враг Октябрьской революции*. И это правительство вело войну против большевиков. Жордания так объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»⁸.

М.М. Пришвин записал в дневнике 21 сентября 1917 г.: «Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства». Он так выразил суть Октября: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла»? Пришвин 31 октября объяснил это так. Возник в трамвае спор о правде (о Керенском и Ленине) — до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!» И Пришвин признает: «в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

⁷ Жордания, следуя ортодоксальному марксизму, считал крестьянство частью буржуазии, и аграрная реформа свелась к приватизации земли на началах индивидуализма и с сознательным подрывом общинных отношений в деревне.

⁸ Другой пример — Пилсудский, начавший войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф. Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Он был сослан по тому же делу, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что наши демократы в начале 90-х гг. XX века.

С самого начала институты советской власти формировались не по классовому признаку. В августе 1917 г. М.В. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас». В отличие от этой установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы *общинно-сословные*, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла.

Верно, понять природу Советов и социальную базу большевиков нельзя без рассмотрения трудового **самоуправления**, которое после Февраля сразу же стало складываться на промышленных предприятиях. Его ячейкой был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком). Ими в Центральной России было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных.

В те годы фабзавкомы возникали и на Западе — там они вырастали из средневековых традиций цеховой организации ремесленников как вид ассоциаций *гражданского общества*. А в России — из традиций крестьянской *общины*. Во время Мировой войны на фабрики пришло пополнение из деревни, и доля «полукрестьян» увеличилась до 60% рабочей силы. Из деревни на заводы пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации.

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Они финансировали деятельность Советов, перечисляя им «штрафные деньги», а также 1% дневного заработка рабочих. Они обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу. Фабзавкомы рассматривали Советы как безальтернативную форму государственной власти. Они сыграли ключевую роль в организации рабочей милиции и Красной гвардии. В них возник лозунг «Вся власть Сове-

там!» — на заводе Михельсона уже в апреле, а на заводе братьев Бромлей — 1 июня 1917 г.

Антибуржуазность фабзавкомов была порождена не классовой ненавистью, а именно ненавистью к классовому разделению, категорией *цивилизационной*. Фабзавкомы предлагали владельцам стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» — на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (как крестьяне в деревне предлагали помещику взять его трудовую норму и стать членом общины). Ленин так писал о рабочем в фабзавкоме: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» [см. 4, с. 86].

Меньшевики, ориентированные марксизмом на опыт рабочего движения Запада, сразу же резко отрицательно отнеслись к фабзавкомам как «патриархальным» и «заскорузлым» органам. Они стремились «европеизировать» русское рабочее движение по образцу западноевропейских профсоюзов. Поначалу фабзавкомы (в 90% случаев) помогали организовать профсоюзы, но затем стали им сопротивляться. Например, фабзавкомы стремились создать *трудовой коллектив*, в который входили все работники предприятия, включая инженеров, управленцев и даже самих владельцев. Профсоюзы же разделяли этот коллектив по профессиям, так что на каждом предприятии возникали с десяток разных профсоюзных организаций, членами которых были три-четыре человека.

Часто рабочие считали профсоюзы чужеродным телом в связке фабзавкомы — Советы. Говорилось даже, что «профсоюзы — это детище буржуазии, завкомы — это детище революции». В результате, к середине лета 1917 г. произошло размежевание: в фабзавкомах преобладали большевики, а в профсоюзах — меньшевики. Однако в дальнейшем, в процессе индустриализации, когда на стройки и заводы пришла крестьянская молодежь, профсоюзы все же приобрели сущность *фабзавкомов*. Они не разделяли работников завода по профессиям, а всех объединяли в один трудовой коллектив.

Антисоветские силы искали поддержки марксистов-меньшевиков. Так, в мае 1917 г. при Временном правительстве создавался Отдел пропаганды. Искали лучших авторов, и вот с кем была достигнута договоренность: Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, В.Н. Фигнер, Л.Г. Дейч, Н.С. Чхеидзе, Г.А. Лопатин. Все они — виднейшие деятели российской социал-демократии и по главнейшим тогда вопросам стояли на антисоветской позиции.

На допросе в чрезвычайной комиссии Временного правительства генерал Л.Г. Корнилов после провала его мятежа сказал, что в список будущих министров при нем как диктаторе был включен основоположник российской социал-демократии Г.В. Плеханов (а также эсер Савинков). В это надо вдуматься, чтобы понять суть противостояния между белыми и красными, между меньшевиками и большевиками.

Генерал Слащов-Крымский писал, что по своим политическим убеждениям Белая армия была «мешаниной кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... “Боже Царя храни” провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную по “четыреххвостке”, так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал».

Вот выдержки из документа, который называют «Политическим завещанием» лидера меньшевиков Аксельрода (письмо Ю.О. Мартову, сентябрь 1920 г.). Он пишет о большевиках: «Самой главной ... изменой их собственному знамени является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России в то время, когда в экономически наиболее развитых странах еще царит капитализм. Вам мне незачем напоминать, что с первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупримитивного капитализма прямо в царство социализма...

Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии... Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции» [8].

Суть конфликта между социал-демократией и коммунизмом в «точке бифуркации» представлена ясно. Из этой точки Россия пошла по пути реализации проекта *коммунизма* (хотя он и назывался социализмом).

Какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм? Что из этих решений необратимо, а в чем 1990-е гг. пресекли этот корень? Что из разработок коммунистов будет использовано в будущем? Главное я вижу таким образом.

Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это — исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Японцам это было сделать гораздо проще, а уже Китай очень многое почерпнул из опыта большевиков.

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего — на культурные ресурсы русской общины, как это предвидели народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован — в виде индустриализации, модернизации деревни, культурной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен

в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем — если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ — из того же «жира»).

Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, это на целый исторический период нейтрализовать западную *русофобию* и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920-го по конец 1960-х гг. престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские — полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, очень важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

Из современников об этом хорошо сказал А.С. Панарин: «Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным "символическим капиталом" в глазах левых сил Запада — тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами — власть символическую.

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде *a la cozak*, вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого — «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив» [5, с. 139].

Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том,

что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение — особенно после того, как опыт второй половины XX в. показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Но в решении этой задачи еще важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали», начиная с середины XIX в., — и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистничеству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция. Слава Богу, что сильна была крестьянская община, и она сама, вопреки всем этим силам, начала сборку народа на новой матрице. Матрица эта (представление о благой жизни) изложена в тысячах наказов и приговоров сельских сходов 1905–1907 гг., составленных и подписанных крестьянами России. И слава Богу, что нашлось развитое политическое движение, которое от марксизма перешло на эту матрицу («платформу»). Так и возник русский коммунизм. Это был случай, о котором Брехт сказал: «Ведомые ведут ведущих».

Сборка народа была совершена быстро и на высшем уровне качества. Так, что Запад этого не мог и ожидать — в 1941 г. его Нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а образованная и здоровая молодежь с высоким уровнем самоуважения и ответственности. Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, которые смогли бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ в 1930–40-е гг., «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых, труднейших условиях XX в. Основные ее контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это и сделали коммунисты, и это была творческая работа высшего класса.

Русский коммунизм (именно в его двуединой сущности) спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX в., стать индустриальной и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к современному уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее» — как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не схватила за горло чья-то мерзкая, преступная рука).

На деле, большие системы «советского типа» — большое творческое достижение. Достаточно упомянуть — советскую школу и науку, советское здравоохранение и советскую армию, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и советскую колхозную деревню, советское теплоснабжение и Единую энергетическую систему.

За первыми шагами на этом пути наблюдал Кейнс (в 1920-е гг. он работал в Москве). Он сказал, что в России тогда была *главная лаборатория жизни*, что Советская Россия, как никто, близка и к земле, и к небу. Это объяснялось тем, что в СССР выполнялся самобытный цивилизационный проект, движимый мощной духовной энергией, а не эпигонское повторение формул западной социал-демократии. Кейнс писал в 1925 г.: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса».

Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» (1930) предупреждал: «В Москве существует тонкая пленка европейских идей — марксизм, — рожденных в Европе в приложении к европейским проблемам и реальности. Под ней — народ, не только отличный от европейского в этническом смысле, но, что гораздо важнее, и другого возраста, чем наш. Это народ еще бурлящий, т. е. юный... Я жду появления книги, в которой марксизм Сталина был бы переведен на язык истории России. Потому что именно в том, что он имеет от русского, его сила, а не в том, что он имеет от коммуниста».

Все мы — наследники русского коммунизма, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И все же, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Отворачиваться от этого знания глупо.

Для советского строя, который складывался на матрице крестьянского общинного коммунизма, был характерен высокий уровень уравнительности — прежде всего, выразившийся в искоренении безработицы («право на труд»), в доступе к главным социальным благам (жилье, образование и здравоохранение) и в ценообразовании. Маркс называл это «казарменным коммунизмом». Мысль о его реакционности сохраняла свой антисоветский потенциал. Он был активизирован после смерти Сталина, когда резко ослабили инструменты «вульгаризации марксизма».

С 1960-х гг., в условиях спокойной и все более зажиточной жизни, в умах заметной части горожан начался отход от жесткой идеи коммунизма в сторону социал-демократии. Это явно наблюдалось в среде интеллигенции и управленцев, понемногу захватывая и квалифицированных рабочих. Для перерождения были объективные причины. Главная — глубокая модернизация России, переход к городскому образу жизни и быта, к новым способам общения, а также европейское образование, раскрытие Западу. Идеологическая машина КПСС не позволила людям увидеть этот сдвиг и поразмыслить, к чему он ведет. Беда в том, что левая интеллигенция,

вскормленная рационализмом и гуманизмом Просвещения, равнодушна к фундаментальным, «последним» вопросам. А обществоведы не могли внятно объяснить, в чем суть отказа от коммунизма и отхода к социал-демократии, который мечтал осуществить Горбачев.

В интеллигентных кругах стали ходить цитаты Маркса такого рода: «Первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности» [6, с. 114–115]. Эта изощренная конструкция была квинтэссенцией антисоветского кредо меньшевиков в 1917–1921 гг. и команды Горбачева и Ельцина в конце XX в. Согласно идеологии перестройки, советский коммунизм был выражением зависти и жажды нивелирования, он отрицал личность человека и весь мир культуры и цивилизации, он возвращал нас к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не дорос еще до частной собственности.

Антисоветским идеологам Горбачева и Ельцина не пришлось ничего изобретать, все главные тезисы они взяли у Маркса *почти буквально*. Более того, даже сегодня ортодоксальные марксисты опираются на концепцию «грубого уравнительного коммунизма» в своем отрицании советского строя. Вновь стал муссироваться и старый тезис о «неправильности» русской революции «в одной стране», тем более «отсталой». Есть и в нынешней России марксисты, которые считают советский строй «мутантным социализмом», используя слово «мутант» как ругательство.

Каковы же перспективы восстановления, модернизации и создания структур социализма и коммунизма в России на путях ее развития из «точки 2010»? Дело видится так.

Кризис, который переживает Россия, — эпизод русской революции. Ее заряд не был исчерпан в первой трети XX в., процесс был лишь «заморожен» после схватки 30-х гг. сталинизмом, войной и восстановительной программой. Он начал

оттаивать в «оттепели», снова был слегка «подморожен» в период Брежнева, но вырвался наружу в период перестройки. На арену вновь вышли духовные «внучата» прежних акторов с прежними проектами, вплоть до столыпинской реформы. Такая их живучесть свидетельствует о том, что советское общество было *традиционным*. Оно сохранило почти все множество «малых народов», групп и сословий, а классовое гражданское общество всех их спланило бы в своем тигле.

Какова же социокультурная «карта» общества в свете нашего вопроса? Грубо ее можно представить в двух пространствах — плоскости скрытых, не всегда осознаваемых *чаяний* и в плоскости *расхожих суждений* (идеологических, конъюнктурных, внушенных СМИ). Ортега-и-Гассет писал: «Секрет политики состоит всего-навсего в провозглашении того, *что есть*, где под тем, *что есть*, понимается реальность, существующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества... В эпохи кризисов расхожие суждения не выражают истинное общественное мнение».

Сведения о такой «карте», если она кем-то составляется, не публикуются, это было бы контрпродуктивно и для власти, и для всех входящих в «систему» политических организаций. Поэтому мои оценки основаны на совокупности отрывочных данных и на интуиции.

Прежде всего, почти очевидными являются два важных факта: *легкость свержения* советской власти под социал-демократическими и либеральными лозунгами — и, в то же время, *невозможность осуществить* социал-демократические и либеральные реформы. Как объяснить эти, на первый взгляд, противоречащие друг другу факты?

Первый факт я объясняю тем, что в ходе урбанизации иссяк ресурс *общинного крестьянского коммунизма*, служившего центральным блоком мировоззренческой матрицы, которая легитимировала советский строй. Обновления

и «ремонта» этой матрицы идеологическая машина КПСС произвести не могла (да она сама была поражена культурным кризисом гораздо больше, чем остальные подсистемы). Подорвать остатки легитимности «сверху», воздействуя именно на стереотипы советской идеологии (равенство и справедливость), было нетрудно. С помощью «гласности» были возбуждены *расхожие суждения*.

СССР и его политическая система были ликвидированы, но затем оказалось, что реформа во всех своих главных установках противоречит *чаяниям* большинства. Это большинство, не имея политических средств, чтобы остановить реформу, оказывает ей пассивное «молекулярное» сопротивление. Каков его вектор? Исходит ли он из системы ценностей социал-демократии или из коммунизма?

Я считаю, что *из коммунизма*, как это и было сто лет назад. Это резко осложняет всю картину. А.С. Панарин писал: «Современный “цивилизованный Запад” после своей победы над коммунизмом открыл “русское народное подполье”, стоящее за коммунизмом и втайне питавшее его потенциалом скрытой общинности... В тайных нишах народной общинности находил укрытие жизненный мир с его до сих пор скрытыми законами, может быть, в принципе не переводимыми на язык прогрессизма» [59, с. 243].

Первые же шаги реформы оживили и резко усилили коммунистические «архетипы». Уже в предчувствии реформы общественное мнение стало жестко уравнильным. В октябре 1989 г. на вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили «*не справедливо*», а 44,7% — «*не совсем справедливо*». Что же считали несправедливым 98% жителей СССР? — Невыносимую уравниловку? Совсем наоборот: люди считали распределение *недостаточно уравнильным*.

84,5% опрошенных считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами» и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать

каждому доход не ниже прожиточного минимума»⁹. В 1996 г. ВЦИОМ повторил этот опрос, и выяснилось, что уравнительные настроения усилились: 93% опрошенных считали, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — что оно должно гарантировать доход не ниже прожиточного минимума. Это — уравнительная программа коммунизма, а не рациональной социальной защиты социал-демократии.

И дело не только в социальных установках. Парадоксальным образом и *рыцари реформы* следуют культурным принципам, несовместимым с либерализмом и социал-демократией. Они исполнены иррационального мессианского чувства, присущего именно большевикам. Теперь оно было направлено на разрушение советского строя, но это люди из породы большевиков. Их можно уподобить зомби — умершим большевикам, вышедшим из могилы и выполняющим волю оживившего их колдуна. Конечно, наличие в стране контингента таких людей, да еще гиперактивных, не улучшает шансы коммунизма, но сильно ухудшает положение мягкого социал-демократического направления.

Каким может быть проект «нового коммунизма» (или, не используя такой шокирующий термин, «нового советского строя»)? Уход активного крестьянского коммунизма на под-

⁹ Следует подчеркнуть, что в СССР был принят и выдерживался принцип, согласно которому *минимальная заработная плата* составляла не менее полутора *минимальных потребительских бюджетов* (этот бюджет и составлял прожиточный минимум) — так, чтобы обеспечивать воспроизводство работника и «половины» иждивенца. В конце 1980-х гг. прожиточный минимум был определен в размере 100 руб. в месяц, а минимальная зарплата — в 165 руб. В 1992 г. критерий изменился: «прожиточный минимум» был оторван от минимального потребительского бюджета, он стал меньше него в 2,25 раза. Само понятие «минимальная зарплата» потеряло свой социальный смысл — в январе 1999 г. она составляла 10,6% от прожиточного минимума и равнялась 3 долл. США в месяц. В начале 2006 г. минимальная зарплата в РФ составляла 30,2% от прожиточного минимума.

сознательный уровень «архетипов» очень сильно меняет институциональную матрицу желаемого будущего устройства. Если смена вектора нынешнего развития произойдет до катастрофы, то можно предвидеть, что будущий строй будет складываться как система с принципиально большим разнообразием, нежели «первый советский строй». Большинство ограничений, которые предопределили тип жизни в старом СССР, утратили свою силу, нет нужды их восстанавливать. Коммунизм СССР обладал большим потенциалом для прорыва в постиндустриализм посредством «туннельного эффекта» — в отличие от социал-демократии, обязанной «исчерпать конструктивный потенциал капитализма». Этот потенциал можно оживить и быстро провести модернизацию хозяйства и быта, создать эффективную инновационную систему. Нынешний «переходный» тип государства и экономики таких возможностей не имеет.

Политический механизм «перехода» требует для разработки больших усилий, нежели конструирование «образа будущего». Предварительно можно сказать, что надо ожидать возникновения сильной партии, которую можно назвать «социал-демократической на российский манер» — совмещающей стереотипы (расхожие суждения) социал-демократии с подсознательными архетипами русского коммунизма. Такие гибриды возможны и эффективно действуют, не вступая в борьбу с устоями национальной культуры. К несчастью, этого не получилось в начале XX в., но вполне может быть достигнуто сейчас. Если бы возникла такая партия, достаточно интеллектуальная и честная, она завоевала бы культурную гегемонию, и вокруг нее сложился бы исторический блок, способный изменить ход событий.

Литература

1. Gramsci A. La revolución contra “El Capital” // A. Gramsci. Antología. México: Siglo XXI Eds. 1984. P. 34–37.

2. *Энгельс Ф.* Соч. Т. 39.
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990.
4. *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Агро-ХХ. 1998.
5. *Панарин А.* Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
6. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. Соч. Т. 42.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Соч. Т. 3. С. 30–31.
8. *Ненароков А., Павлов Д.* Политическое завещание П.Б. Аксельрода. — «Россия XXI». 1999, № 6.
9. *Булгаков С.Н.* Апокалиптика и социализм. Соч. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 388–389.